

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОСТРИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
«УСАДЕБНОГО ТЕКСТА»
В ПОЭЗИИ А.А. ФЕТА

© 2020 г. О.А. Гриневич

*Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы, Гродно, Беларусь*

Дата поступления статьи: 02 ноября 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-220-233

Аннотация: Цель статьи — выявление этапов и основных тенденций функционирования «усадебного текста» в поэзии XIX в.: формирование инвариантной модели, отражающей особенности стадии эстетического креативизма (художественной модальности) на рубеже XVIII–XIX вв., и трансформация этой модели в творчестве А.А. Фета. В задачи статьи входит определение ключевых особенностей новой элегической модели на уровнях семантики, синтактики и прагматики и рассмотрение механизмов ее встраивания в индивидуально-авторский контекст поэзии Фета. Доказывается, что для усадебной поэзии Фета характерно устранение биографических, литературных, исторических контекстов функционирования «усадебного топоса», а также углубление его интериоризации, начало которой заложено в поэзии первой трети XIX в. Противоположная тенденция представлена в усадебной поэзии современников поэта, где «усадебный топос» аккумулирует культурную память, в частности, актуализирует жанровый канон рустической элегии начала XIX в., изображающей старинные полуразрушенные имения, запущенные сады (А.К. Толстой, А.Н. Майков). Основные особенности литературной ситуации второй половины XIX в., определившие развитие усадебной поэзии этого направления, следующие: прозаизация поэтических форм (реакцией на которую стали две стратегии: принятие прозаического влияния и дистанцирование от него); литературная полемика между «реалистами» и сторонниками «чистого искусства»; формирование феномена «уединенного сознания» и попытки его преодоления. Внелитературные предпосылки связаны с крестьянской реформой, вызвавшей или разорение дворянских гнезд, или смену социально-исторических условий их функционирования.

Ключевые слова: свертхтекст, «усадебный текст», семиосфера, семантика, синтактика, прагматика, А.А. Фет.

Информация об авторе: Ольга Артуровна Гриневич — аспирант филологического факультета, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, ул. Ожешко, д. 22, 230023 г. Гродно, Беларусь. ORCID ID: 0000-0003-3831-805X

E-mail: olga.grinevich.1994@mail.ru

Для цитирования: *Гриневич О.А.* Трансформация постриторической модели «усадебного текста» в поэзии А.А. Фета // *Studia Litterarum.* 2020. Т. 5, № 2. С. 220–233. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-220-233

POST-RHETORICAL MODEL OF THE “ESTATE TEXT” AND ITS TRANSFORMATION IN FET’S POETRY

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. O.A. Grinevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

Received: November 02, 2019

Date of publication: June 25, 2020

Abstract: The aim of this article is to highlight the stages and the tendencies in the development of the so called “estate text” in the poetry of the 19th century. Namely, it shows how a new invariant model developed at the turn of the 18th and 19th century and how it was transformed in the work of A.A. Fet. The article studies the key features of the new elegiac model at semantic, syntactic, and pragmatic levels and examines how the model was integrated in Fet’s poetry. I argue that Fet excludes biographical, literary, and historical contexts of the estate topos and continues its interiorization initiated by the poets of the early 19th century. The opposite trend is to be found in the works of Fet’s contemporaries, where the estate topos accumulates cultural memory and actualizes the genre of rustic elegy that describes ancient dilapidated estates and neglected gardens and that was developed at the beginning of the 19th century (A.K. Tolstoy, A.N. Maykov). In the second part of the 19th century, a number of literary tendencies influenced on the estate poetry. They include prosaization of poetic forms (that resulted in either acceptance of prosaic influence or distancing from it); polemics between “realists” and supporters of “pure art”; the phenomenon of “solitary consciousness” and attempts to overcome it. Extra-literary prerequisites are associated with the peasant reform that caused the ruin of the so called “noble nests” or a change in the socio-historical conditions of their functioning.

Keywords: supertext, “estate text”, semiosphere, semantics, syntactics, pragmatics, A.A. Fet.

Information about the author: Olga A. Grinevich, graduate student, Philological Department, Yanka Kupala State University of Grodno, Ozheshko St. 22, 230023 Grodno, Belarus. ORCID ID: 0000-0003-3831-805X

E-mail: olga.grinevich.1994@mail.ru

For citation: Grinevich O.A. Post-Rhetorical Model of the “Estate Text” and Its Transformation in Fet’s Poetry. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 220–233. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-220-233

Формирование «усадебного текста» как одного из локальных сверхтекстов русской литературы происходит на стадии рефлексивного традиционализма [1] (эйдетической поэтики [12]). Инвариантные черты усадебной поэзии на этой стадии поэтики развиваются в русле риторической традиции и определяются *риторической* моделью. На рубеже XVIII–XIX вв. при переходе к стадии эстетического креативизма [14] (поэтике художественной модальности [12]) формируется новая, *постриторическая, или элегическая, модель*.

В основе семантики риторической модели лежит принцип бинарности, эксплицирующий в структуру текста оппозиции деревня — город, покой — суета, творчество — военная слава и др. Семантические особенности постриторической модели обусловлены жанровой памятью элегии, проблематизирующей пространственно-временную и психологическую границы, а центром схождения противопоставленных друг другу миров является фигура лирического героя.

Парадигмальная особенность новой стадии поэтики — формирование «уединенного сознания» [14, с. 10], автономной личности [12, с. 222] — повлияла на интроспективный статус топики «усадебного текста». Автономность лирического субъекта в постриторической модели позволяет преодолеть характерную для риторического этапа бинарность мышления. Пример нового статуса субъекта представлен в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Как отмечает А. Шёнле, повествователь «выполняет функцию одного из посредников между исследуемыми в повести двумя моделями культуры. Традиционная провиденциалистская парадигма, воплощенная в представленной в качестве жертвы православной Москве, а также в

образе покорной Божьей воле Лизиной матери, сталкивается с модерной, имперской, самоопределяющейся политической философией, олицетворяемой энергично торгующей Москвой и колонизаторством Эраста» [17, с. 68]. Исследователь подчеркивает амбивалентную позицию повествователя по отношению к парадигме модерности, и эта пограничность субъекта повествования становится свойством, которое определяет не только прагматику, но и семантику элегической модели.

Семантика постриторического (элегического) инварианта связана с новым восприятием времени и пространства. «Усадебный текст» XVIII в. отображает циклический принцип восприятия времени, связанный с описанием ежедневных, ежесезонных, ежегодных занятий лирического героя, обеспечивающих воспеваемую им стабильность и спокойствие сельской жизни. Элегизация всех поэтических форм на рубеже XVIII–XIX вв. [10, с. 449] привносит в усадебную поэзию линейное время, когда лирический герой осознает его скоротечность и, возвращаясь в родные места, сопоставляет состояния «сейчас» и «прежде». Существуют и более сложные формы проживания и репрезентации времени: событие настоящего («миг») становится катализатором для воспоминания о единичном и неповторимом событии прошлого. Такой хронотоп, представляющий собой тесную пространственно-временную связь и предельное сужение и сгущение пространства и времени, зарождается в усадебной поэзии А.А. Фета, определившей векторы развития «усадебного текста» второй половины XIX — начала XX вв.

Между элементами семантических оппозиций и образами, соединенными в риторической модели прямой связью, в элегической модели появляется посредник, снимающий эксплицитную бинарность развития мысли. Образец субъектного посредничества задает Н.М. Карамзин в фигуре повествователя с амбивалентной позицией. Другой тип посредничества заключается в формировании интерпретативной сетки понятийных категорий, представляющих собой художественный и интеллектуальный язык эпохи. Эти категории находятся между собой в сложных и разнонаправленных связях, которые смягчают бинарность сверткестовой семантики. Ключевые для «усадебного текста» категории образуют триаду «человек — природа — культура».

Металитературная проблема автономной личности способствует актуализации в образно-мотивной системе усадебной поэзии первой трети

XIX в. первого элемента триады. В сочетании с семантическими константами «усадебного текста» эта проблематика образует ряд инвариантных элегических мотивов: мотивы воспоминания и забвения, воображения, творчества, медитативной прогулки. В усадебной поэзии этого периода формируется понятие мест памяти, маркирующих личные воспоминания. Культ личных воспоминаний характерен для дружеского послания поэтов пушкинской эпохи [5]. Индивидуальная маркировка усадебных локусов создает особые отношения между текстом и внетекстовой реальностью, домашнюю семантику, «которая не терпит “пояснительных” мест и развитых описаний» [13, с. 130].

В 40–50-е гг. XIX в. развитие субъектного начала достигает кульминации, в результате чего появляются варианты элегической модели, в которых заостряется романтическое противоречие между социальным окружением («толпой») и ментальным миром лирического героя (например, «Как часто пестрою толпою окружен...» (1840) М.Ю. Лермонтова). Это приводит к формированию новой бинарности, относящейся уже не к сфере морально-дидактических противопоставлений, а к сфере сознания, расщепленного внутренним конфликтом.

Преодолению этой бинарности способствует актуализация категории природы в усадебной поэзии Фета. Как отмечает Г.П. Козубовская, «в лирике Фета мир культуры постепенно уходит в подтекст, растворяется в тексте, реализующем концепцию природного человека и очеловеченной природы» [7, с. 9]; «отказ от четкой бинарности ведет у Фета к тому, что планы перерастают друг в друга незаметно, естественно, без фиксации точки зрения» [7, с. 21]. Другими словами, переход «усадебного топоса» в интроспективный план у Фета представляет собой наложение друг на друга внутреннего мира человека и внешнего, природного мира, представленного усадебным микрокосмом.

Природоцентрично не только самовосприятие лирического героя, но и восприятие «другого», что приводит к трансформации мотива усадебной любви. Образ возлюбленной в риторической модели и ранних образцах элегической функционален и подчинен общей риторической задаче, будь то ампула идеальной хозяйки и матери в похвалах сельской жизни или объекта эротического желания в «легкой поэзии» К.Н. Батюшкова. В поэзии Фета образ возлюбленной обретает статус полноценного субъекта и, что

важно для семантической структуры «усадебного текста», характеризуется посредством природных образов.

В поэзии второй половины XIX в. выделяется тематическая разновидность элегического инварианта, в которой центральной концептуально-тематической составляющей, организующей структуру стихотворения, является культура. Элегическая тоска лирического героя сфокусирована на осознании уходящей в прошлое дворянской культуры, воплощенной в образе старой усадьбы (полуразрушенного дома, заброшенного сада). Вне-литературные предпосылки для формирования такой модели — крестьянская реформа 1861 г., изменившая условия функционирования усадебного хозяйства и способствовавшая кризису дворянских гнезд. Наиболее очевидна данная тенденция в поэзии А.К. Толстого («Ты помнишь ли, Мария...» (1840-е гг.), «Шумит на дворе непогода...» (1840-е гг.), «Пустой дом» (1840-е гг.), «Из “Крымских очерков”» (1856–1858) и др.).

Образ усадьбы в этой разновидности элегической модели метонимически представляет часть русской культуры, иногда культуры всего человечества, как в стихотворении А.Н. Майкова «Мраморный фавн». Лирический герой обращается к статуе фавна в заброшенном саду: «Ты некогда был бог, / Цинический кумир! <...> О, расскажи: / Что, жаль тебе тех дней? Как ты расстался с властью, / Развенчанный? Тогда — бывали ближе ль к счастью / Младые племена? Иль это умной лжи / Несбытный вымысел — их мир и наслажденья? / Иль век одни и те ж земные поколенья?» [8, с. 28–29]. Авторская рефлексия затрагивает семантический метаязык «усадебного текста», подвергая сомнению центральные оппозиции естественное — искусственное, прошлое — настоящее. Проблематика стихотворения при этом выходит за пределы усадебной темы, расширяя ее пространственно-временные границы.

Таким образом, на семантическом уровне динамика «усадебного текста» XIX в. регулируется чередованием процессов ослабления и усиления бинарной организации. Помещение этих стадий в синтагматические контексты (уровень синтактики) позволяет выявить, какие устойчивые и ситуативные связи вырабатываются в процессе семантических чередований.

Устойчивые связи очевиднее всего отражаются на уровне сюжета. В первой трети XIX в. наиболее частотное сюжетное воплощение элегической модели — ситуация медитативной прогулки. Как и сюжет рито-

рической модели, он строится по принципу нанизывания семантических элементов — образов, мотивов, топосов, однако их взаимосвязь ориентирована уже не на прецедентный источник и не на логику риторической аргументации — в данном случае она имитирует свободное передвижение в пространстве и свободное течение мыслей, объединенных сознанием субъекта лирической медитации.

Композиция прогулки организуется перечнем «подвижных картин», которые в широком смысле являются своеобразной иллюстрацией изменчивости и скоротечности жизни. При этом, несмотря на обязательную привязку к топографии, а иногда и подробное перечисление конкретных «мест памяти», формируется жанровый канон, регулирующий отбор и репрезентацию визуальных элементов. Согласно этому канону, существуют перечень образов и топосов, останавливающих внимание героя, и способ их интерпретации. Так, появляются устойчивые образы реки или пруда, руин, «семьи» молодых деревьев, заросшей тропинки.

Постепенно на основании разных вариантов складывается двухфазная сюжетная схема жанра прогулки. Первую фазу составляет нанизывание визуальных «поводов» и сопутствующие им размышления, вторую — попытка выхода из осознаваемого лирическим героем неостановимого круга времени в план вечного и вневременного. Это оказывается возможным посредством контакта с умершими — с людьми, которые при жизни были связаны с описываемыми местами, но в момент лирического высказывания уже перешли в вечность. Здесь лирический герой вступает в контакт не только с утраченным прошлым, но и с самим собой, поскольку одним из инвариантов смыслового ядра элегической модели является проблематизация самоощущения героя.

Выбор сюжетной схемы и характер ее воплощения во многом зависит от контекста. Для полноценного восприятия усадебных элегий первой трети XIX в. важны биографические, ситуативные, топографические детали, ставшие поводами для их написания. Ключевым контекстом «Запустения» (1832) Е.А. Боратынского является биографический (образ отца поэта), а за репрезентацией топоса усадьбы Олениных в стихотворении Гнедича «Приютино» (1820) стоит атмосфера творчества, созданная знаменитыми гостями имения. Понимание «Славянки» В.А. Жуковского неполно

без учета реалий, связанных с топографией Павловска и жизнью царской семьи, указания на которые содержатся в элегии.

Отношения между текстом и контекстом меняются во второй половине XIX в., и важный этап в этом процессе — поэзия Фета. Принципиальным новаторством Фета было уменьшение значимости контекстов в процессе смыслообразования. Это касается их роли не только в авторском восприятии топоса усадьбы, но и в конкретном текстовом воплощении инвариантной модели. Усадьба воспринимается Фетом как гармоничный природно-культурный синтез с преобладанием природного компонента. Культурные контексты рецепции «усадебного топоса», сконцентрированные в формуле И.М. Долгорукого «экстракт вселенной всей» [9, с. 212], для Фета нерелевантны. Конкретные воплощения авторских рецептивных установок манифестируют самоценность текста как такового.

Авторскую стратегию Фета, противоположную сформировавшейся в предшествующей традиции усадебной элегии, можно объяснить, обратившись к историко-литературной ситуации конца 40-х — начала 50-х гг. XIX в. Это время характеризуется исследователями как переломная эпоха, ознаменованная полемикой «Современника» и «Москвитянина» об «исторической» и «эстетической» критике, спором между сторонниками «реальной» поэзии и представителями «чистого» искусства [11]. Для последних усадьба и усадебная поэзия становятся реальным и метафорическим убежищем. Эту мысль Фет выражает в предисловии к сборнику «Вечерние огни» в ответ на критику «реалистов»: «Мы <...> постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских. Откуда же могли мы взять этой скорби там, куда мы старались от нее уйти? Не все ли это равно, что обратиться к человеку, вынырнувшему из глубины реки, куда он бросился, чтобы потушить загоревшееся на нем платье, с требованием: “Давай огня!”» [15, с. 241].

Стремление дистанцироваться от «гражданских скорбей» претворяется в стратегию эстетического эскапизма, которая отражается на всех уровнях текста. Устранение биографических, историко-культурных, социальных контекстов особенно очевидно на фоне сохранения инвариантного семантического ядра элегической модели. Такая деконтекстуализация создает эффект «чистой» литературы, когда внимание сфокусировано на литературных приемах, изменении точки зрения и художественной оптики,

требующих от реципиента эстетического вкуса, тонкости восприятия, а не обширных знаний, будь то «домашняя семантика» или культурные аллюзии. Рассмотрим разные формы процесса деконтекстуализации в усадебной поэзии Фета.

Наиболее очевидна тематическая деконтекстуализация, которая проявляется в очерчивании узкого круга поэтических тем и рецепции «усадебного топоса» как пространства творчества и любви. Свою задачу автор видит не в расширении тематического диапазона и точки зрения, а в смене ракурса освещения темы. При этом возрастает роль поэтических тропов как способов остранения: метафоры как переноса привычного значения и метонимии как проявления выборочного внимания, замены целого частью.

Другой способ деконтекстуализации относится к перцептивному плану. Фет осуществляет попытку вернуть первичное, непосредственное литературной традицией восприятие природы и, в частности, «усадебного топоса». Для репрезентации этих перцептивных установок необходим новый подход к поэтическому языку, что объясняет языковую деконтекстуализацию в усадебной поэзии Фета. Это выражается в том, что устойчивые элементы семантической парадигмы усадебного художественного языка помещаются в новые контексты на уровне синтагмы и в новое семантическое окружение. Основное направление трансформации топосов, образов и мотивов — переход из предметно-материальной области в сферу сознания, психологизация предметного мира усадебной семантики.

На этапе формирования элегической модели интроспективный и экстраспективный планы существовали параллельно друг другу, по принципу сопоставления. Например, в стихотворении Н.М. Языкова «Тригорское» (1826) есть развернутое обоснование преимуществ сельской жизни с точки зрения их влияния на душевное состояние лирического героя: «Как сна отрадного виденья, / Как утро пышное весны, / Волшебны, свежи наслажденья / На верном лоне тишины, / Когда душе, не утомленной / Житейским бременем трудов, / Доступен жертвенник священной / Богинь кастальских берегов; / Когда родимая природа / Ее лелеет и хранит / И ей, роскошная, дарит / Все, чем возвышена свобода» [9, с. 344]. В «Запустении» (1832) Е.А. Боратынского дан психологический облик умершего отца лирического героя, примечательный своей близостью к природной среде: «Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен, / Кто, безыменной неги жаден, /

Их своенравный бег тропам сим указал, / Кто, преклоняя слух к таинственному шуму / Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал / Ему сочувственную думу» [2, с. 117]. Оба примера сходны тем, что природный и психологический планы разграничены: в первом случае синтаксической конструкцией с союзами *как, когда*, во втором — предикативными связями, отображающими диалогическое взаимодействие человека и природы. Эксплицированы оба компонента сопоставления (природа и ментальный мир) и связи между ними: воздействие природы на человеческую душу (Языков) и обратная связь — воздействие человека на природу (Боратынский).

В усадебной поэзии Фета эксплицитное сравнение преобразуется в метафорический перенос. Структура метафоры спроецирована на структуру всего стихотворения, в котором «мерцают» природные и психологические значения, но между ними нет четкой границы (отказ от фиксации точек зрения, который отмечает Г.П. Козубовская [7, с. 21]). Особенно очевидно это в тех примерах, где отсутствует переход между описанием эмоционального состояния человека и природным миром: «Какая грусть! Конеч аллеи / Опять с утра исчез в пыли» [16, с. 140]; «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг. / Запах роз под балконом и сена вокруг; / Но зато ль, что отрады не жду впереди, — / Благодарности нет в истомленной груди» [16, с. 315]. Внезапный переход из природного плана в психологический сглаживает различия между ними, подчеркивает «естественность» человеческих состояний и антропоморфность природного начала.

Различия между этапом формирования постриторической модели и ее трансформацией в творчестве Фета проявляются в коммуникативной структуре «усадебного текста» (уровень прагматики). Здесь важно учитывать как внутреннюю коммуникацию (субъектная структура стихотворения), так и внешние связи произведения и контекстов его создания и восприятия. Кроме того, на коммуникативном уровне отражается взаимодействие между разными художественными языками (вербальным и визуальным, поэтическим и прозаическим), что затрагивает проблему межсемiotического перевода внутри «усадебного текста».

Русская литература второй половины XIX в. характеризуется расцветом прозы. Ее эталонное проявление — тургеневскую усадебную повесть — детально исследовал В.Г. Шукин [18]. Как отмечает М.Л. Гаспаров, русская поэзия в 1840–1880 гг. «развивается в новых для нее условиях — в

обстановке господства прозы» [2, с. 161]. Реакцией на прозаизацию поэзии второй половины XIX в. стали две авторские стратегии. Первая предполагает усвоение прозаического художественного языка. Для усадебной поэзии прецедентным текстом и источником заимствований стала тургеневская проза. С точки зрения межсемиотических взаимодействий внутри «усадебного текста» она занимает то же положение, что в первой трети XIX в. занимала «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина. Влияние прозы, в частности усадебной прозы И.С. Тургенева, проявляется в актуализации различных идеологических, исторических и социальных контекстов функционирования топоса. Эта тенденция реализована в трактовках усадьбы как топоса памяти — культурной, родовой, семейной, а также как модели России. Например, в стихотворении В.Г. Бенедиктова «Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачу» (1857) традиция усадебной поэзии XVIII в. (прощание с другом, уезжающим в деревню) соединяется с открытиями «натуральной школы» (подробно описаны разные социальные категории людей, покидающих город, приведены их диалоги и т. д.). Стихотворение можно трактовать как репрезентацию жизни определенных социальных кругов в летнее время.

Другая авторская стратегия, проявившаяся, в частности, в творчестве Фета, связана с дистанцированием от влияния прозы. Фет делает выбор между «пользой» и «красотой» в пользу последней, при этом категория «пользы» относится к сфере прозаического языка (описание усадебной жизни в очерках «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство», 1862–1871), а категория «красоты» выражается языком поэзии (усадебная жизнь в стихах).

Между усадебной поэзией Фета и усадебной прозой Тургенева есть точка пересечения — монологизм высказывания. Отмеченный В.Г. Щукиным как отличительная черта усадебной повести (см.: [18, с. 320]), он сохраняется и у Фета, даже в тех случаях, когда лирический сюжет стихотворения представляет собой попытку преодоления «уединенного» сознания и пантеистического «растворения» в природе [14, с. 20] как надличностной сущности.

Таким образом, специфика усадебной поэзии XIX в. определяется как внешними, внелитературными обстоятельствами, так и внутрилитературными процессами и выражается на уровнях семантики, синтактики и праг-

матики. Уровень семантики «усадебного текста» в динамическом аспекте на разных этапах характеризуется усилением и ослаблением бинарности мышления. В поэзии начала XIX в. преодоление семантической бинарности происходит посредством нового статуса элегического субъекта, а в поэзии Фета — в ходе обновления художественного языка. Уровень синтактики отражает проблемы сюжетообразования и линейных связей между элементами семантической парадигмы. В поэзии первой трети XIX в. это сюжет элегической прогулки, в середине и второй половине XIX в. — сюжет усадебной любви (Фет) и сюжет «вглядывания в прошлое» (А.К. Толстой, А.Н. Майков). В поэзии Фета происходит деконтекстуализация и интериоризация «усадебного топоса», что является реакцией на влияние усадебной прозы Тургенева, в которой усадьба рассматривается в исторических, семейных и социальных контекстах. Позиции представителей «чистого искусства» противостоит тенденция к включению этих контекстов в усадебную поэзию, близкая «реалистам». Взаимодействие поэтического и прозаического художественного языка затрагивает уровень прагматики, связанный с коммуникативной структурой «усадебного текста».

Список литературы

- 1 *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.
- 2 *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М.: Профиздат, 2011. 256 с.
- 3 *Бухштаб Б.Я. А.А. Фет // Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 752 с.
- 4 *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 319 с.
- 5 *Жаплова Т.М.* Усадебная поэзия в русской литературе XIX века. Оренбург: Изд-во ОПГУ, 2004. 232 с.
- 6 *Жемчужников А.М.* Избранные произведения / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 416 с.
- 7 *Козубовская Г.П. А.* Фет и проблема мифологизма в русской поэзии XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994. 46 с.
- 8 *Майков А.Н.* Избранное / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Н. Гайденкова. Л.: Сов. писатель, 1952. 324 с.

- 9 Сельская усадьба в русской поэзии XVIII — начала XIX века / сост., вступит. ст.,
коммент. Е.П. Зыковой. М.: Наука, 2005. 432 с.
- 10 *Сендерович С.Я.* Фигура сокрытия. Избранные работы: в 2 т. М.: Языки славян-
ской культуры, 2012. Т. 1: О русской поэзии XIX и XX веков. Об истории русской
художественной культуры. 600 с.
- 11 «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика
первой половины 1850-х годов / изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков,
А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. 872 с.
- 12 Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш учеб. заведений:
в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издат. центр «Академия», 2004. Т. 2:
С.Н. Бройтман. Историческая поэтика. 368 с.
- 13 *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. 424 с.
- 14 *Тюпа В.И.* Литература и ментальность. М.: Юрайт, 2018. 231 с.
- 15 *Фет А.А.* Вечерние огни / под ред. Д.Д. Благого. М.: Наука, 1979. 815 с.
- 16 *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы / вступит. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба.
Л.: Сов. писатель, 1986. 752 с.
- 17 *Шенлё А.* Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового
времени. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 360 с.
- 18 *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэти-
ки и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.

References

- 1 Averintsev S.S. Istoricheskaia podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii
[Historical mobility of the category of the genre: the experience of periodization].
In: *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. Results and
perspectives of the study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russ.)
- 2 Varatynskii E.A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems and poems]. Moscow, Profizdat Publ.,
2011. 256 p. (In Russ.)
- 3 Bukhshtab B.Ia. A.A. Fet [A.A. Fet]. In: Fet A.A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems].
Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 752 p. (In Russ.)
- 4 Gasparov M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika* [Essay on
the history of Russian verse: Metric, rhythm, rhyme, stanza]. Moscow, Nauka Publ.,
1984. 319 p. (In Russ.)
- 5 Zhaplova T.M. *Usadebnaia poeziia v russkoi literature XIX veka* [Estate poetry in Russian
literature of the 19th century]. Orenburg, Izd-vo OPGU Publ., 2004. 232 p. (In Russ.)
- 6 Zhemchuzhnikov A. M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], ed. E. Pokusaev.
Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 416 p. (In Russ.)

- 7 Kozubovskaia G.P. *A. Fet i problema mifologizma v russkoi poezii XIX – nachala XX vekov* [Fet and the problem of mythologism in Russian poetry of the 19th – early 20th centuries: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 1994. 46 p. (In Russ.)
- 8 Maikov A.N. *Izbrannoe* [Chosen], ed. N. Gaidenkov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1952. 324 p. (In Russ.)
- 9 *Sel'skaia usad'ba v russkoi poezii XVIII – nachala XIX veka* [Country estate in the Russian poetry of the 18th – early 19th centuries], comp., introd., comm. by E.P. Zykova. Moscow, Nauka Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)
- 10 Senderovich S.Ia. *Figura sokrytiia. Izbrannye raboty: v 2 t.* [The figure of concealment. Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012. Vol. 1: O russkoi poezii XIX i XX vekov. Ob istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury [On the history of Russian art culture]. 600 p. (In Russ.)
- 11 “*Sovremennik*” protiv “*Moskvitianina*”. *Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* [“Sovremennik” vs. “Moskvitianina”. Literary and critical debate in the first half of the 1850s], ed. A.V. Vdovin, K.Iu. Zubkov, A.S. Fedotov. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015. 872 p. (In Russ.)
- 12 *Teoriia literatury* [Theory of literature]: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh ucheb. zavedenii: v 2 t., ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Akademiia” Publ., 2004. Vol. 2: S.N. Broitman. Istoricheskaia poetika [S.N. Breitman. Historical poetics]. 368 p. (In Russ.)
- 13 Tynianov Iu.N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 424 p. (In Russ.)
- 14 Tiupa V.I. *Literatura i mental'nost'* [Literature and Mentality]. Moscow, Izdatel'stvo Iurait Publ., 2018. 231 p. (In Russ.)
- 15 Fet A.A. *Vechernie ogn'i* [Evening lights], ed. by D.D. Blagoy. Moscow, Nauka Publ., 1979. 815 p. (In Russ.)
- 16 Fet A.A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems], comp., introd., comm. by B.Ia. Bukhshtab. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 752 p. (In Russ.)
- 17 Shenle A. *Arkhitektura zabvenii: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni* [Architecture of oblivion: ruins and historical consciousness in modern Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 360 p. (In Russ.)
- 18 Shchukin V.G. *Rossiiskii genii prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [Russian genius of enlightenment. Research in mythopoetics and the history of ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)